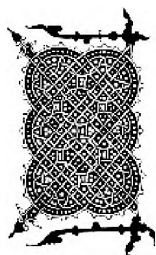

ПУБЛИКАЦИЯ

ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

Униатская обрядность на Подляшье в XIX столетии: православный взгляд¹

Более 30 лет мы ведем наши экспедиционные исследования в различных частях восточнославянского пограничья, на территории ряда стран, населенных восточными славянами или же их ближайшими соседями: в Беларуси, Литве, Польше, России, Украине. Пожалуй, самыми интересными при этом для нас остаются огромные просторы Полесья и примыкающих к нему с запада Подляшья и Холмщины².

Публикуемый ниже текст, гектографированный фрагмент которого был обнаружен и сразу же скопирован нами на территории современного Березовского р-на Брестской обл. — важное свидетельство давнего интереса жителей Брестчины к Холмскому краю и событиям, там происходившим. Следует напомнить, что к середине 1860-х — началу 1870-х годов, а именно к этому времени относится данный текст, преимущественно в границах Холмщины и Южного Подляшья шел процесс так называемого очищения униатского обряда с последующим переходом в православие.

Исторически сложилось так, что долгие годы урегулирование границ нескольких смежных униатских епархий (Холмской, Брестско-Владимирской, Пинской и Луцкой) представляло собой трудную проблему, на решение которой в конце XVIII — начале XIX в. кардинальным образом повлияли разделы Речи Посполитой

и последующий постепенный переход населения в православие. При этом все четыре указанные униатские епархии располагались целиком или частично на территории Западного Полесья, причем около трети Брестской епархии являлось своего рода анклавом, расположенным к востоку от Холмской епархии, а еще восточнее находился один из деканатов (благочиний) последней.

В фондах современных государственных архивов ряда стран, прежде всего Польши, России, Литвы, Беларуси и Украины, хранится огромное число документов, касающихся тех или иных сторон жизни упомянутых униатских епархий³. Немалое количество таких документов все еще сберегается и непосредственно на местах: в частных и приходских архивах. Благодаря новым находкам в них удастся восстановить многие, порой совершенно неизвестные, факты не только местной истории, но и ее связи с событиями более широкого плана, о которых иногда также ничего или почти ничего не было известно.

В какой-то степени к разряду подобных документов принадлежит и публикуемый здесь. Он касается общей оценки обрядовой практики униатской церкви, сохранявшей свои иерархические позиции вплоть до 1875 г. в восточной части Царства Польского, накануне окончательного официального перехода в православие. Вопросы,

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Например, см.: Лабынцев Ю., Щавинская Л. Шматвяковая гісторыя духоўнай культуры Падляшша і Палесся: вынікі трыццаці гадоў экспедыцыйных даследаванняў (1970–2000 гады) // Дзяспара. Культуралогія. Гісторыя: Матэрыялы IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін” (Мінск, 6–9 чэрвеня 2005 г.). Мінск, 2006. С. 86–91.

³ Среди обзоров и описаний этих фондов, появившихся в последние годы, хочется выделить тщательно подготовленный каталог Марии Трояновской, целиком посвященный документам интересующего нас региона, хранящимся в Государственном архиве в Люблине. См.: Trojanowska M. Chetmski Konsystorz Greckokatolicki [1525] 1596–1875 [1905]: Inwentarz analityczny archiwum. W-wa, 2003.

поднимаемые в нем, представляли принципиальный интерес, церковный и государственный, оставаясь таковыми на протяжении всего XIX — начала XX в., а в новых условиях и последующего периода, вплоть до наших дней. Возможно, именно отсюда интерес к данному документу у его владельцев из глубинной части Брестчины, население которой долгое время, уже после перехода в православие, сохраняло ряд особенностей «униатского обряда», о котором идет речь в публикуемом документе, а затем наблюдало неудачные попытки введения неоунии в период вхождения в состав II Речи Посполитой (межвоенной Польши) и восстановления униатской церкви в современной Беларуси.

Фрагмент публикуемой записки, найденный на Полесье, сразу же заинтересовал нас, однако долгое время, как и в случае с большим числом экспедиционных находок, представленных всего лишь фрагментом того или иного текста, о его публикации не могло быть и речи. Недавно нам удалось найти полный его текст, хранящийся в Отделе рукописей Библиотеки Вильнюсского университета⁴. Это хорошо сохранившийся аутентичный гектограф, по которому мы и подготовили свою публикацию. При этом, учитывая, что документ написан на русском литературном языке, мы воспроизводим его с весьма незначительными изменениями в орфографии в транслитерированном виде с заменой букв, отсутствующих в современном русском алфавите.

Необходимы некоторые пояснения, касающиеся содержания записки, прежде всего деятельности «епископа Цехановского» и «покойного номината Калинского».

Фердинанд Цехановский (Цехановецкий) (1759-1828) — сын шляхтича-католика, базилианин, префект базилианской школы в Жировицах, настоятель монастыря в Холме; администратор части галицкой униатской провинции, с 1810 г. — епископ Холмский, несмотря на сопротивление белого униатского духовенства, стремившегося выйти из-под власти Базилианского ордена. Он

ввел в богослужебную и административную практику Холмской униатской епархии много новаций чисто католического характера, написал в данной связи несколько специальных инструкций и руководств, в том числе упоминаемый в документе «Porządek nabożeństwa» и «Katechizm». «Porządek» Цехановского прочно вошел в обиход и строго соблюдался вплоть до 1870-х годов в Холмской униатской епархии, весьма отличной по своим обрядовым особенностям, в том числе и от богослужебной практики греко-католиков Галиции⁵.

Иоанн Николай Калинский (1799-1866) — сын священника, позднее каноника холмской капитулы. В 1863 г. утвержден он был в качестве епископа Холмского римским папой Пием IX и русским императором Александром II, однако этому резко воспротивилась часть местного униатского духовенства: «оно желало, чтобы о. Шокальский стал холмским епископом»⁶, и ставленник папы и императора оставался всего лишь номинантом. Благодаря Калинскому, тайно от имперских властей в Рим в период канонизации вывезли часть останков Иосафата Кунцевича, объявленного руководителями польского Январского восстания начала 1860-х годов его покровителем, провозглашенным римским папой святым в 1867 г. В то же время «номинант Калинский» оказался причастным и к «очищению униатского обряда», о чем, собственно, и говорится в публикуемом документе. Впрочем, одновременно он ведет и тайную переписку с Римом по различным вопросам⁷.

В период существования Брестско-Владимирской униатской епархии или, что правильнее, Владимирско-Брестской, местечко Береза Картузская с окрестностями входили в ее состав, являясь частью Пружанского деканата⁸.

* * *

Письмо русского о церковном обряде подляских униатов

Каждого из русских, посещающих здешний край, интересует более всего положение здешнего греко-униатского дела, каждый из них спешит

⁴ См.: F 34—GD 754.

⁵ Подробнее см.: Litowski E. Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX w., uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku. T. 2. W-wa, 1906.

⁶ Bańkowski E. Ruś chełmska od czasów rozbioru Polski. Lwów, 1887. S. 44. Автор цитаты, Емельян Баньковский, был лицом, приближенным к Иоанну Калинскому, профессором холмской униатской семинарии, а о. Стефан Шокальский — ее ректором, администратором епархии.

⁷ Например, см.: Olszawska-Skowrońska Z. La correspondance des Papes et des Empereurs de Russie (1814-1878): Selon les documents authentiques. Romae, 1970. P. 129-132.

⁸ Наиболее раннее комплексное описание униатских церквей Пружанского деканата относится к первой четверти XVIII в. Это материалы генеральных визитаций около 20 из униатских церквей, в том числе трех пружанских, береза-картузской, шерешовской и других. См.: Archiwum Państwowe w Lublinie. Chełmski Konsystorz Grekokatolicki. Sygn. 101.

познакомиться с русским народом, исповедующим унию, с его обычаями, языком, верованиями и в особенности с его церковным обрядом, который *de iure* считается греческим обрядом, какой соблюдаем и мы, православные люди, но *de facto* составляет неслыханную и возмутительную пародию на него. Но многие ли из русских знают несчастную историю этого обряда.

Церковный обряд здешних униатов, с внешней своей стороны, представляет невиданное в других исповеданиях самоволие, но с внутренней стороны — единство в латинизировании и полячении идеи и духа богослужебного.

Ипатий Поцей, виновник первой, Брестской унии, в книге своей «Уния альбо выклад ку зодноченю Греков з костелом римским», пред целым светом заверяет, что папа оставляет русским унитам весь тогдашний церковный обряд их неприкосновенным и требует от них единственно признания папского главенства в церкви, обещая оставить нетронутым даже православный догмат об исхождении Святого Духа. Затем множество папских булл, одна пред другою наперерыв, предписывают русским унитам⁹ строгое соблюдение всех восточных обрядов уподобляя различие в обрядах единой церкви (латинских и восточных) различию «цветов в природе и красок на картинах».

Езуитизм воспользовался этою последнею фразою для того, чтобы из обряда восточного, который был плодом долгой, самостоятельной церковной жизни и церковного восточного характера и потому имел свой, совершенно отличный от римской обрядности дух и самостоятельную, вполне определенную идею, которая глубоко разнится от богослужебной римской идеи, чтобы из этого обряда сделать только шелуху, мертвые цветы и краски, которые потом расположить, систематизировать по духу и идее богослужения латинского. Езуиты работали преимущественно в среде Василианских монахов (состоящих по большей части из латинников, принимавших унию) и архиереев, которые избираемы были из василиан и воспитанников езуитских. Но белое духовенство точно и строго выдерживало древний свой обряд, вовсе не думая об изменении духа и характера его, чем оно дорожило и, пользуясь богослужебными книгами, изданными до Брестского собора, а потом печатавшимися в православных типографиях Стрятина, Острога, Львова, Могилева, Киева и проч., оно не терпело василиан, как волков в коже овец, чуждых ему

по духу и захвативших в унитстве всю власть. Так было до пресловутого Замойского собора, 1720 г., когда (Известно, что в это время латинское духовенство предложило на сейме проект об истреблении унии, не достигающей / дотоле / своей цели — полячения и латинизирования русского народа, и замене его латинством) польско-латинская партия решила сделать первый торжественный опыт переделки главнейших понятий и существенных действий в унитском (православном) обряде. «Унитские книги неисправны (правда), текст и редакция их различны (правда), нужно свести их в одну систему и редакцию (правда), и у нас это же сделано при патриархе Никоне». Но для этой новой системы и редакции брали не греческие же и славянские более исправные списки богослужебных книг, не брали их даже как материал для пополнения и разных перемен, а указывали для того дела соответственные обряды в латинских Мшалах и Ритуалах; не ясно будто бы определение в них главной мысли обряда, не логический будто ход этой мысли и не систематическое изложение всех обстоятельств дела, представляемого восточным обрядом, не точности частных действий, мнимые отступления в тексте от учения Отцов Церкви (которых бессовестнейшим образом искажали по своим видам в тогдашних латинских типографиях), и проч. и проч. Все это находили возможным поправить только по образцам латинских обрядов.

Все эти перемены только указаны правилами Замойского собора, но собор этот не нашел возможным заняться исправлением самих книг и изданием их в новом виде. Известно, как отнеслось к Замойскому собору приходское унитское духовенство: оно приписывало все определения его председателю — римскому Кардиналу Гримальди и езуитам, бранило своего митрополита (Льва Кишку) и епископов за согласие с ним, ненавидело василиан, послушных сынов езуитских; по приходам никто не руководился переменами соборными, называя их нарушениями унии, предательством. Лет тридцать еще после этого собора не появлялись в свете книги в переделанном виде, унитские священники употребляли прежние свои (одинаковые с православными) книги. Я видел требники, изданные унитами скоро после Замойского собора, в них ничего не принято из определений этого злосчастного собора, чем открыто доказывалось решительное непризнание его.

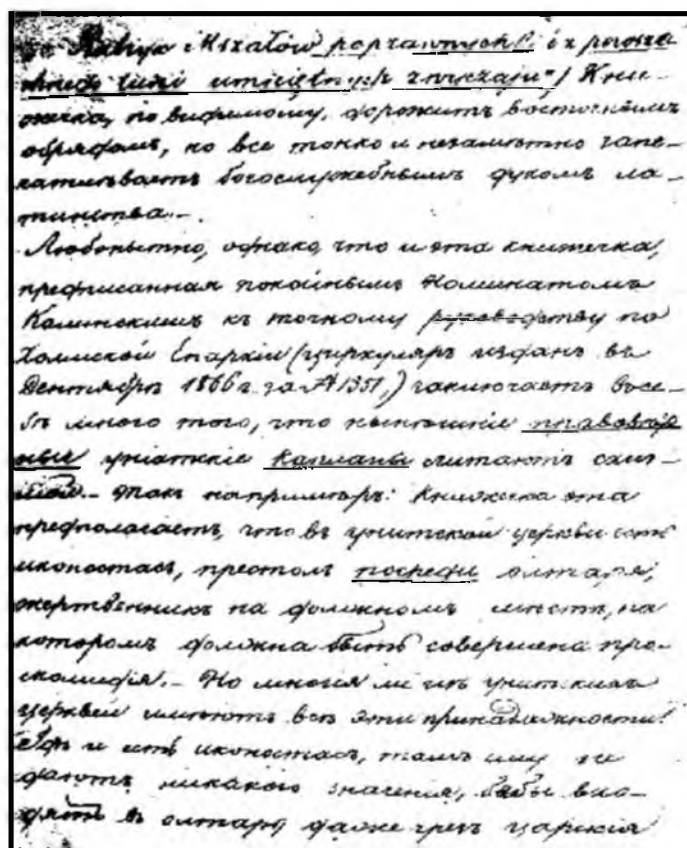
⁹ Так в тексте.

Но старые книги от времени уничтожались, уничтожали их и езуиты с василианами, привилегия печатания книг от измелывавших братств перешла в руки епископов и василиан; высшее белое духовенство наполнялось лицами, воспитанными у езуитов, пиаров и во вновь заведенных школах василианских, и наиболее враждебными восточной церкви. Тогда только Почаевские василиане и епископ (потом митрополит) Афанасий Шептицкий не прежде пятидесятих годов прошлого века решились выпустить в свет целый круг богослужебных книг в переделанном по указаниям и идеям Замойского собора виде, и с той-то поры пошли гулять по свету так называемые униатские богослужебные книги, которых до того времени на Руси вовсе не было, несмотря на то что русская уния существовала уже 150 лет.

Период появления и особенного умножения этих книг совпадает с временами последней агонии и первых разделов Царства Польского. Екатерина забрала Белоруссию, Австрия — Галицию, Надбужная сторона осталась за Польшею. Таким образом, униаты лишились своего церковного центра, единства в управлении и потому открылась дорога самому широкому произволу в делах их веры. В эти времена уния гордилась множеством своих ученых, *umiejętnych ludzi*, выходивших из езуитских, пиарских и василианских школ. В школах этих на курсе богословия самым оживленным предметом были отношения церкви восточной к западной и в частности параллели между обрядами восточными и римскими. Тридентский собор для всей римской церкви и Петровский (1628г.) для польской переделали обряды действительно, по внешности, стройно.

Каждый обряд имеет свою главную мысль, которая существенным образом выражается известным обрядовым действием (*materia forma*). Эта мысль развивается строго логически (по правилам Аристотелевой логики), имея приступ, причину, объяснение, сущность дела, выводы и заключение, так что обряд представляет действительно строго систематическое целое. Богословие римское точно и определенно указывает в обряде фазисы благодати Божией, заставляя таким образом эту благодать развиваться и действовать в обряде так, а не иначе. Обряд, по учению латинников, в руках священника есть орудие, посредством

которого он совершает таинство, он низводит божественную благодать, он крещает и проч. На нем-то, поэтому, сосредоточена особенная забота исправителей обряда. Он должен располагать все свои движения, все органы свои мысли и чувства сообразно с последовательным движением в обряде благодати Божией (т. е. как ей предписано двигаться). Латинники принимают за догмат следующее ужасное для православного христианина абсолютно деспотическое положение: если священник в своих мыслях (*intentio*)

Текст рукописи

не сообразился с ходом благодати в обряде, то благодать не действует и обряд такой не будет ни таинством, ни богослужением (может ли, поэтому, каждый латинник сказать о себе, что он, например, крещен, причащен и подоб., могло стать, что крестивший, совершавший таинство причащения и подоб. ксендз думал в это время о каких-нибудь своих или чужих делах?). Чтобы предохранить верующих от последствий такой вины священника, последнего самого поставили в тиски: Мшалы и Ритуалы со всею подробностью определили, где и как священник должен ступить, наклониться, стать полуоборотом, прекло-

нить колено, опустить, поднять, свести, развести или скрестить на груди руки, куда и как смотреть, какое чувство выражать в лице, как поворачиваться, вообще все приемы и декорации благоговения определены строжайшим образом.

Восточный обряд, по наружности, действительно не представляет строгой логической системы, выложенной, вычищенной; он есть собрание различных действий, представляющих только в общем виде ход богослужбной идеи. Восточная церковь, приняв эти действия и целые обряды от апостолов и преемников их, никогда не решалась мудрить над ними по правилам (Аристотелевой) логики, но свято соблюдала их во всей целости, как священное наследие и как знаки непостижимого и вполне свободного откровения людям и действия благодати Божией. Священник есть только специальный служитель обряда (а не Minister), интенция его остается при нем, благодать действует на верующих посредством обряда, а не под условием этой интенции, ему, поэтому, предоставляется свобода внутреннего расположения и выражения его, почему, за редким исключением, ему не предписываются наклонения, сложения и разложения рук и проч. и проч. Где более христианского смысла, истинной христианской жизни, истинного христианского духа и характера это очевидно.

В латинской обряде деспотизм на деспотизме едет, деспотизмом погоняет: священник находится в тисках церковных предписаний, обряд — в тисках священника, благодать — в тисках обряда. В восточном же обряде, напротив, всюду свобода, обряд свободен от нашей изменчивой логики, благодать действует совершенно свободно, священнику предоставляется полная свобода внутреннего расположения и наружного поведения, верующие свободны от влияния на них этого расположения и поведения. Вот дух Греческого обряда, истинный христианский дух! Где дух Христов, там и свобода, говорит апостол Павел. Мы имеем двойное преимущество в этом случае пред латинниками: 1) мы молимся в обряде точно так же, как молились величайшие отцы церкви первых веков христианства и первые христиане (латинники всякий обряд переделали вполне) и 2) в отношениях к обряду и благодати мы не рабы, а свободные. Латинский обряд, в сущности своей, нестерпимо сухой, схоластичен, скучен, мертв; наш полон жизни; наш священник имеет все средства (о, если бы они поняли это и пользовались этими средствами!) представлять собою молящимся самый жизненный пример благоговения при обряде; латинский же ксендз должен в обряде лицемерить и быть крайне однообразным,

скучным, мертвящим, потому что внутреннее расположение и внешнее поведение его — заказное до последних мелочей.

По логике Аристотеля, которого тогда считали папою в науке, езуитские чтения об обрядах церковных внушали ученым людям унитским совершенно иные соображения. На взгляд их, восточный обряд был хламом, нелогичным, не систематичным, священник — о ужас! — вел себя при обряде без всяких правил. Проникнутые до мозгов общею идеею полоно-латинскою, они употребляли все старания, чтобы показать своим учителям, что и их обряд (которого они, кстати сказать, держались преимущественно из материальных выгод) может быть также стройным, выражать ту же идею, дух и характер латинства. При отсутствии единства в управлении и всеобщем в крае замешательстве унитам открылась широкая дорога личного произвола, и они начали свои операции над обрядом, переделывая все богослужбное здание, направленное василианами. Пошла поголовная стрижка волос, преследование ряса священниками, затем — кто уничтожал у себя иконостас, кто уничтожил и жертвенник, и проскомидию, завел органы, наставил боковых престолов; кто выбрасывал в литургии целые части, «не имевшие смысла в общем ходе литургийной мысли», кто уродовал вечерню и утреню, переделывал по своему усмотрению обряды всех таинств и богослужений, заводил годзинки, рораты и проч. и проч. На все эти перемены ни от какой власти никогда не было предписаний, все было делом одного дикого самоволия *umiejętnych ludzi* унии. Единство было в одном, именно в изгнании из восточного обряда всего, чему нет соответствия в обряде латинском и в пересоздании иереев унитских в чистых капланов, дабы они и выступали бы при богослужении такими же кошечками, как капланы латинские, и руки так же поднимали бы, сводили, разводили, опускали, скрещивали, протягивали, очи «влепляли» бы туда-то и так-то, одним словом — дабы как обряд, так и они — чего Боже сохрани — не выразили бы в богослужении какой либо идеи и духа противно практике латинской.

Но тогда как в этой среде действовал грубейший, невиданный в других исповеданиях личный произвол, люди серьезные, поставленные во главе разбитых управлений унии, употребляли все усилия, чтобы эту всеобщую рознь свести к единству. Будучи сами ополячены и олатинизированы, не имея за собою всеобщего авторитета в унитстве и власти над всею унитскою церковью, они только лавировали между современною им практикою в приходах и между василианскими редакциями

церковных книг. К таким ревнителям униатского обряда принадлежит и бывший Холмский епископ Цехановецкий, книжечка которого «*Porządek nabożeństwa Cerkiewnego*», изданная в 1815 г., служит в настоящее время руководством для богослужения здешних униатских священников. При взгляде на эту книжечку, невольно спрашиваешь себя: почему издатель ее не ограничился простым предписанием строжайше соблюдать устав, представленный в Служебнике Почаевском, но счел нужным особо изложить порядок действий священнических при важнейших богослужениях? Не для того ли только, чтобы 1) затвердить за священными лицами и вещами униатского богослужения названия латино-польские: *Msza, kapłan, alba, stół, dalmatyka, Mensa, Velum, Hostya* и проч. и проч. чего нет в василианских книгах (там стоят: литургия, иерей, подризник, риза, стихарь...) и применить польско-латинский шрифт к богослужебному славянскому языку; 2) определить наклонения, положение глаз, рук, всего корпуса священника точно с предписаниями латинских Ритуалов; 3) авторизировать органы (*Chór spiewa lub gra*), которые не допускаются василианскими служебниками и разные другие мелкие отступления от них; 4) авторизировать Мшу читану, которую он берет, не обинуясь, «*z Rubryk Mszałów poprawnych (?) iz powszechnego ludzi umiejetnych zwyczaj*»? Книжечка, по-видимому, дорожит восточным обрядом, но все тонко и незаметно запечатлевает богослужебным духом латинства.

Любопытно, однако, что и эта книжечка, предписанная покойным Номинатом Калинским к точному руководству по Холмской Епархии (циркуляр издан в сентябре 1866 г. за № 1351), заключает в себе много того, что нынешние правоверные униатские Капланы считают схизмой. Так, напри-

мер, книжечка эта предполагает, что в униатской церкви есть иконостас, престол посреди алтаря, жертвенник на должном месте, на котором должна быть совершена проскомидия. Но многие ли из униатских церквей имеют все эти принадлежности? Где и есть иконостас, там ему не дают никакого значения, бабы входят в алтарь даже чрез царские врата, проскомидии никто почти не служит. Книжечка предполагает, что священники делают на Литургии большой (и малый) выход, причем произносят: «всех вас православных христиан...!!». Но многие ли из подлясских Капланов униатских делают выходы и не все ли они боятся слова «православный», как чорта, и заменяют его словом «правоверный»? Многие ли из этих капланов не выбрасывают целых частей в литургии, совершают каждения пред иконами, употребляют просфоры какие следует, агнец вынимают и проч. и проч., что относится к существенным требованиям литургийного богослужения? Для того чтобы уничтожить всеобщее грубейшее самоволие здешних униатских капланов в богослужении и прекратить взаимные нарекания на отступления того или другого священника от униатского устава, необходимо было бы определить книги, по которым все униатское духовенство должно совершать богослужение.

Какие же книги должны быть взяты для этого? Василианские издания? Уставы вроде книжечки епископа Цехановецкого? Или наконец те, по которым молятся около 2 миллионов русских униатов в Галиции вместе в Львовском Митрополитом? Кажется в разрешении этого вопроса не представляется сомнения для всякого священника, искренне преданного униатскому обряду; но тем не менее для установления единства в этом деле Холмской Консистерии следовало бы сделать общее распоряжение по сему предмету.

